

ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Н.В. Даниелян

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.12602

ИДЕИ ГЕНДЕРА И ПОСТГУМАНИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье проводится анализ подходов к проблемам гендера и постгуманизма в российской философской и социологической литературе. По мнению автора, основная особенность появления данного вида исследований связана как с фундаментальными изменениями в российском обществе, так и с развитием гуманитарных наук, вследствие чего данное проблемное поле следует изучать с социальной и философской точек зрения. В статье рассматриваются пять этапов становления и развития этого научного направления в России. Такое деление позволяет лучше понять те задачи, которым уделялось основное внимание на разных этапах российских гендерных исследований. В качестве исходных в статье использованы сравнительно-сопоставительный и диалектический методы, а также идеи и принципы системного подхода. Автор выдвигает идею, что концепция постгуманизма появилась в российской науке на последней, пятой стадии разработки гендерной проблематики, что тесно связано с вхождением российского общества в эпоху повсеместной информатизации и распространения процессов глобализации. В статье рассматриваются идеи русских космистов, которые получают продолжение в развитии постгуманизма в стране. С точки зрения автора статьи, одной из основных опасностей современного общества является потеря человеком своей индивидуальности, стирание различий между мужчиной и женщиной. Нанотехнологии проанализированы как яркий пример, подтверждающий данную мысль. В ходе анализа становится очевидным, что при таком подходе гендерной проблематике уделяется все меньше внимания, и ею часто пренебрегают. Идеи постгуманизма направлены на существование за пределами гуманизма, то есть человеческое тело оказывается за пределами личности и ее пола. Поэтому в статье предлагается концепция создания "постгуманистических" гендерных отношений.

Ключевые слова: гендерные исследования, постгуманизм, трансгуманистическое движение, космизм, нанотехнологии, сетевое общество, постчеловек, социальный конструктивизм, натурализованная эпистемология, социум.

Анализ гендерной проблематики и появление исследований по постгуманизму в российской философской и социологической литературе показывает взаимосвязь между двумя этими направлениями в свете полной реорганизации общественных и экономических отношений в стране после распада СССР, изменения положения женщин и их статуса в обществе, появления независимого феминистского движения, значительных изменений в области социальных наук из-за появления и развития новых альтернативных теоретических концепций и школ. Кроме того, с начала нового тысячелетия появилось большое количество работ и авторских курсов, направленных на распространение гендер-

ного образования в российских университетах, а также объяснение идей постгуманизма.

Гендерные исследования в России берут свое начало с появления первых феминистских групп и независимых женских организаций в конце 1980-х — начале 1990-х гг. В данный период времени появились первые публикации и переводы статей, посвященных гендерной проблематике, в российских журналах. Статья "Как мы решали женский вопрос"¹ стала первой публикацией, получившей широкий резонанс, поэтому считается, что именно с неё началось российское гендерное движе-

¹ Посадская А.И., Римашевская Н.М., Захарова Н.К. Как мы решаем женский вопрос // Коммунист. 1989. № 4. С. 56–65.

ние. В 1994 г. вышла книга “Women in Russia”², которая была названа “новой эрой феминизма в России”.

В сравнительно непродолжительной истории российских гендерных исследований можно выделить пять основных, на наш взгляд, этапов, связанных со становлением и развитием данного научного направления. Такое деление позволяет лучше понять те задачи, которым уделялось основное внимание на разных этапах российских гендерных исследований.

Первый этап, который охватывает период с конца 1980-х гг. до 1992 г., можно охарактеризовать как период внедрения новой научной парадигмы. Его основные задачи носили организационную и просветительскую, а не исследовательскую направленность. Знаменательными событиями данного периода стали 1-й и 2-й “Независимые женские форумы”, проходившие в Дубне в 1991 и 1992 гг. На них была разработана и предложена научная парадигма российских гендерных исследований, а также опубликованы их первые результаты. К наиболее сложным проблемам первого этапа можно отнести трудности, связанные с терминами, понятиями и подходами гендерной тематики и методологией их внедрения в российскую науку и общественные институты.

Второй этап, продолжавшийся с 1993 по 1995 гг., был связан с появлением центров гендерных исследований, а также научных коллективов и организаций, которые в большей степени занимались социально-политическим аспектом гендерной проблематики, а не ее научной стороной.

Третий этап был связан с объединением ученых и преподавателей, занимавшихся гендерными исследованиями в России. Он длился с 1996 по 1998 гг. Этот период часто называют “стадией зеркала” в гендерных исследованиях, так как речь шла о самоидентификации и рефлексивном осмыслении опыта, полученного российскими исследователями, работающими с гендерной проблематикой, а также необходимости выработки ими теории и методологии исследований в данной области.

Четвертый этап начался в 1999 г. и продолжался до недавнего времени. Его характерной особенностью стала нацеленность на пропаганду и распространение гендерного образования, появление общественных организаций по вопросам гендера, таких как, например, Московский центр

гендерных исследований, написание большого количества работ и авторских курсов. В качестве иллюстрации здесь можно назвать некоторые работы таких российских философов, как О.А. Воронина³, И.С. Клецина⁴, Т.В. Бендас⁵, О.В. Рябов⁶, О.М. Здравомыслова⁷, а также сборник, основанный на данных официальной статистики “Гендерные проблемы в современной России”⁸.

Пятый этап связан со вступлением российского общества в эпоху повсеместной информатизации и глобализации, то есть его интеграции в глобальное информационное общество. По мнению многих ученых, основная опасность данного этапа заключается в утрате человеком своеобразия своей личности, а также в исчезновении грани между “мужским” и “женским”. Создаваемая человеком искусственная научно-техническая реальность разрывает его связь с природой, что приводит к нарушению экологического баланса. Личность начинает формироваться под влиянием определённых социальных условий, на которые решающее воздействие оказывает собственная творческая активность человека. Таким образом, неизбежно возникает вопрос: существует ли “мужское” и “женское” за пределами человеческого? В попытке ответить на него в 2003 г. появилось Российское трансгуманистическое движение, которое определяет свою цель как создание “нового мышления, бросающего вызов предпосылке о том, что человеческое состояние является и остаётся по сути неизменным”, и рассматривает себя как “новый этап в развитии гуманизма, научно ориентированное мировоззрение, согласно которому современный человек не является вершиной эволюции, но, скорее — началом эволюции вида Homo Sapiens”. Представители данного движения хотят выйти за пределы того, что большинство считает человеческим, посредством иехнологических способов и приемов. К его основателям можно отнести Д.А. Рязанова, И.В. Вишева, И.С. Алмазова, А.Н. Гордеева, А.А. Ерё-

² Women in Russia: A new era in Russian feminism / Ed. by A. Posadskaya and oth. London; New York, 1994.

³ Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М., 2004.

⁴ Клецина И.С. Гендерная социализация. СПб., 1998.

⁵ Бендас Т.В. Гендерная психология. СПб., 2006.

⁶ Рябов О.В. Русская философия женственности (XI-XX века). Иваново, 1999.

⁷ Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное изменение российской трансформации. М., 2003.

⁸ Гендерные проблемы в современной России (по данным официальной статистики). М., 2006.

мина, И.В. Артюхова. Оно существует в виде Интернет-сообщества, идеи которого находят отражение на сайтах transhumanism-russia.ru и bessmertie.ru.

Интересен тот факт, что идеи постгуманизма в России наиболее популярны среди представителей естественных наук, специалистов по информационным технологиям, врачей. Идеи русского космизма были популярны также в подобных кругах. С одной стороны, космисты развивали идею стремления человека к постоянному совершенствованию, к его единению с высшими материями. С другой стороны, они полагали, что духовность человека достигается только материальными средствами. Проблемы гендера при таком подходе отодвигаются на второй план, становятся второстепенными, на них обращается все меньше внимания.

Давайте рассмотрим последнее утверждение более подробно. Было бы наиболее рационально начать с идеи русских космистов, таких как Н.Ф. Федоров⁹, П.А. Флоренский¹⁰, К.Э. Циолковский¹¹, В.И. Вернадский¹². Русский космизм определить однозначно невозможно, поскольку в нем выделяются разные течения (естественнонаучное, литературно-художественное, религиозно-философское), которые объединены идеей целостного видения мира. Он рассматривается в качестве организма, все части которого связаны и влияют друг на друга. В работах названных ученых можно выделить следующие общие идеи:

1. Внутренняя причастность человека к Космосу и природе, органичность данного типа связи.
2. Единство человечества как планетарной общности.
3. Необходимость утверждения нового отношения человека к природе, которое основано на единстве сознания и действия (внутреннего и внешнего). Это отношение не может оставаться созерцательным, так как с течением времени человек все более осознает не только свою зависимость от Космоса, но и сам влияет на него, что требует целостного видения мира.
4. Идея коэволюции, основанная на разумной регуляции человеком природы, отказе от антропоцентризма во имя антропокосмизма, нераз-

рывно связанного с идеей культуроцентризма, то есть приоритета культурных, духовных ценностей перед материальными.

С точки зрения постгуманизма, это означает появление “универсального” человека, способного развиваться вместе с природой, не причиняя ей вреда. Так, например, Н.Ф. Федорова призывает к поиску “общего дела по управлению силами слепой природы”, объединению всех людей трудом и разумом с целью победы над смертью посредством “регуляции” природы¹³, к чему сегодня стремится человечество, развивая нанотехнологии, о которых пойдет речь далее в статье. Философ полагает, что по отношению к природе необходимо преодолеть “неродственность”, научившись связывать душу и Космос через регуляцию и воскрешение.

Такой подход задает видение человека как “сотрудника” природы, что предполагает появление новых ценностей. Например, космисты пишут о приоритете духовных ценностей в жизни общества, поскольку все стороны жизни связаны, но духовно-нравственные ориентиры в ней самые верные. Это также ценность творчества в силу того, что человек-творец — это самобытная, самоценная, свободная личность, отвечающая за строй всего мироздания. Именно в творчестве раскрывается бесконечная природа человека, высшее его назначение.

Приведенные мысли становятся особенно актуальными сегодня с позиции таких технологических достижений, как нанотехнологии, для формирования концепции постчеловека (posthuman) и его влияния на будущее нашей цивилизации и сохранение гендерных отношений. На Первой Всероссийской конференции “Глобальное будущее 2045”, которая проходила в Белгороде в апреле 2013 г., обсуждалась проблематика антропотехнологических преобразований человека и социума. Так, в докладе Д.И. Ицкова говорилось: “Сегодня есть серьезные основания считать, что уже в ближайшие десятилетия мы можем стать свидетелями небывалого прорыва в области дальнейшей эволюции человека как вида. Для этого необходима концентрация усилий международного сообщества”¹⁴.

⁹ Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.

¹⁰ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 2. М., 1990.

¹¹ Циолковский К.Э. Космическая философия. М., 2001.

¹² Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн. 2: Научная мысль как планетарное явление. М., 1977.

¹³ Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.

¹⁴ Ицков Д.И. Общественное движение “Россия 2045” и глобальное будущее // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции. Белгород, 11–12 апреля 2013 г. / Под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. М., 2014. С. 11.

Давайте обратимся к определению постгуманизма и выясним его роль в формировании гендерных отношений. На сайте российского трансгуманистического движения отмечается, что данное направление является «общественным движением и системой взглядов, основанной на понимании научных достижений и перспектив», а также «рационально-культурным движением, утверждающим возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека благодаря достижениям человеческого мышления посредством технологий, направленных на замедление процессов старения и значительное улучшение протекания умственных, физических и психологических процессов»¹⁵. Из приведенного определения следует, что постгуманизм более всего основан на достижениях нанотехнологий. Некоторые из них будут далее рассмотрены в этой статье.

Нанотехнологии рассматриваются как ключевые высокие технологии, которые позволяют направленно конструировать изделия с заданными свойствами посредством манипуляций, производимых с атомами и молекулами структур, то есть превращаются в самостоятельную силу, оказывающую воздействие на природу, общество и человека. Данный вид технологии позволяет проводить не только манипуляции с отдельными атомами и молекулами, но и создавать модели живой природы, что открывает неограниченные перспективы для индивидуального и коллективного творчества.

Концепция нанотехнологий всесторонне анализируется и изучается в работах таких российских философов, как В.Г. Горохов¹⁶, В.И. Балабанов, В.И. Беклемышев, А.А. Абрамян¹⁷. Эти ученые полагают, что в отличие от достаточно рационализированной технологии прошлого, новые технологии способны привести к негативным последствиям из-за доступности механизмов управления наноуровнем материи, а также отсутствия рефлексии над его свойствами. В целом, появляется необходимость смены технологической парадигмы, господствовавшей в индустриальном

и постиндустриальном обществе, а также общей виртуализации реальности, что приведет к смене ценностей в обществе, проникновению компьютерных технологий во все сферы его жизни, возможности создания суперинтеллекта. Например, нейросистемы, построенные на основании нанотехнологий, позволяют соединить мозг человека с компьютером, создавая новые формы искусственного интеллекта и виртуальной реальности. Глобальная виртуализация как физической, так и социальной реальности станет главным социальным последствием развития нанотехнологий для данной области.

Информация начинает преобразовываться во всеобщий эквивалент коммуникации. Как известно, любая современная коммуникационная система носит локальный характер, однако объединение человеческого мозга и машины открывает перспективу появления нового уровня коммуникации, базовым элементом которого становится цепь из человека, машины и вещества. Следовательно, нанотехнологии носят двойственный характер, как конструктивный, так и деструктивный. Рассмотрим его на примере конструирования чувственного восприятия мира человеком посредством наночипов, программирующих виртуальную реальность в мозге, что приводит к новым формам сознания и возникновению модифицированного бытия. В данном случае требуются иная культура впечатлений, способствующая творческой деятельности человека, новые этические ценности, кардинальное изменение значимости религии в жизни человека, трансформированная культурная идентификация человека под действием перспективы его слияния с машиной. Например, существует ряд работ, описывающих возможности введения нанороботов в нейроны, что позволит понять, каким образом в мозге человека формируются образы и понятия. Полученную и записанную с помощью данного метода информацию можно будет загружать в компьютер и использовать не только для моделирования, но и продолжения мыслительного процесса. По сути, нанороботы способны контролировать функционирование нейронов и программировать в них заданные заранее чувственные образы и мыслительные процессы, связывать их с внешним вычислительным устройством или даже мозгом другого человека.

Проникновение технологий в чувственность человека с неизбежностью приведет к появлению гибридной реальности, стирающей грани

¹⁵ URL: <http://www.transhumanism-russia.ru>.

¹⁶ Горохов В.Г. Нанотехнологии. Эпистемологические проблемы теоретического исследования в современной технике // Эпистемология и философия науки. М., 2008. Т. XVI. № 2. С. 14–32.

¹⁷ Беклемышев В.И., Балабанов В.И., Абрамян А.А. Основы прикладной нанотехнологии / Под ред. проф. В.И. Балабанова. М., 2007.

между виртуальной личностью человека и ее физическим воплощением в теле. Уже сегодня, когда мы живем в значительной степени в сетевом обществе, можно утверждать, что социальные сети и привносимый ими виртуальный мир ведут к эгоцентризму человека, все большей его концентрации на себе и своих мыслях, вследствие чего происходит утрата индивидом связи с реальным миром. Поэтому пространственные представления о физических границах общения и идентификации претерпевают изменения, поскольку присутствие человека в среде коммуникации осознается одновременно как виртуальное и реальное, что представляет собой совершенно новый феномен человеческого существования. Развитие и внедрение нанотехнологий вызовет культурный эффект, состоящий в усилении позиций одних этических ценностей и девальвации других. Все эти процессы влияют на появление модифицированного постчеловека без каких-либо различий в гендерном подходе.

Эффекты развития нанотехнологий проявятся в модификации уровня чувствительности человека посредством кардинального преобразования его физического мира, что может, в свою очередь, привести к необратимым последствиям. И одним из главных социальных последствий развития нанотехнологий становится глобальная виртуализация как физической, так и социальной реальности. Именно поэтому философская рефлексия социальных и культурных последствий нанотехнологического развития становится все более актуальной.

Можно предположить, что такие «мультидисциплинарные» общества, которые не принимают в расчет гендерные отношения, начнут играть особую роль и будут объединены не узконаправленным сообществом, руководствующимся квалификационными интересами, а единством исследовательских и конструктивных целей. На их основе может возникнуть новый, так называемый «постгуманистический» тип гендерных отношений. Безусловно, наибольшее влияние на него оказывает проживание человека в контексте современной технокультуры, обладающей всеми чертами междисциплинарности.

Как отмечает Д.А. Беляев, на основании подобных трансформаций можно выделить «три основных модельных варианта постчеловека: генетически модифицированный человек, нанокиборгизированный человек и виртуально-цифро-

вой человек»¹⁸. В первом случае, исходя из работ Ю. Хабермаса¹⁹ и Ф. Фукуямы²⁰, возникает озабоченность, что вследствие запрограммированных генетических трансформаций человечество может превратиться в безликую, управляемую человеческую массу. Во втором случае, нанокиборгизированный человек способен достичь фактического бессмертия, а также многократного усиления физических и умственных способностей, что во многом противоречит самой природе человека и будет способствовать превращению постчеловека в сверхчеловека, т.е. возникает проблема превосходства и безграничных возможностей у одних представителей человечества над другими. В случае же реализации виртуально-цифрового человека, он превратится в цифровую информационную единицу, существующую в виртуально-сетевой среде, что ведет к полному отрыву человека от реальности.

Даже сегодня, когда мы только начинаем жить в сетевом обществе, можно утверждать, что социальные сети и привносимый ими виртуальный мир ведут к эгоцентризму человека, все большей его концентрации на себе и своих мыслях, вследствие чего происходит утрата индивидом связи с реальным миром. В результате, мы можем наблюдать, что сегодня гендерные отношения также все более приобретают виртуальный характер, так как становится достаточным включить компьютер, выйти в Интернет и найти любого партнера по желанию. Поэтому пространственные представления о физических границах общения и идентификации претерпевают изменения, поскольку присутствие человека в среде коммуникации осознается одновременно как виртуальное и реальное, что представляет собой совершенно новый феномен человеческого существования. Рассмотрим данную проблему с позиции социального конструктивизма.

К. Герген пропагандировал «метатеоретические перспективы», согласно которым знание не является отображением объективного мира,

¹⁸ Беляев Д.А. Перспективные антропологические модели постчеловека: трансформация человеческой природы и сверхчеловеческая атрибутика // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции. Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / Под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. М., 2014. С. 47.

¹⁹ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2002.

²⁰ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004.

но его следует рассматривать как “артефакт взаимодействия”²¹. Эта точка зрения известна как социальный конструктивизм, который нашел большой отклик в психологии. Если человек использует подобную перспективу, все вещи или категории (но не только) психологической науки должны быть проанализированы с точки зрения их социального конструирования. Предлагается рассматривать данную концепцию скорее как ощущение сужающегося диапазона современного человеческого и социального познания в качестве системных дисциплин. В связи с этим вводятся следующие основные положения:

1. То, что мы принимаем за мировой опыт, не диктует условия, по которым можно понять мир. То, что мы принимаем в качестве знаний о мире, не является результатом ознакомления или построения и проверки общих гипотез.
2. Условия, на которых мир понимается, являются социальными артефактами, продуктами исторически обусловленного взаимодействия между людьми.
3. Степень, в которой данная форма понимания превалирует или поддерживается с течением времени, фундаментально не зависит от эмпирической обоснованности перспективы по данному вопросу, но от смены социальных процессов (например, коммуникация, переговоры, конфликты, риторика).
4. Формы договорного понимания особенно важны в социальной жизни, поскольку они связаны с множеством других видов деятельности, в которые вовлечены люди.

В российской философской литературе имеется концепция, обоснованная Р.С. Карпинской, И.К. Лисеевым и А.П. Огурцовым, согласно которой “смешанные” идеи, “демонстрирующие переход от философских представлений о природе к обобщенному суждению о природе человека и наоборот”, в основном, имеют место в естественных науках (авторами упоминаются синергетика, социобиология, биополитика и т.д.)²². Авторы вводят термин “биоцентризм”²³, выражающий тенденцию объединения естественнонаучной и гуманитарной

“культур” с позиции категории жизни в качестве переходного момента. Согласно социальному конструктивизму, это означает появление моделей “смешанной” реальности. Авторы используют термин “групповая реальность” для ее описания.

Таким образом, социальный конструктивизм приводит к появлению модели сетевого общества, тесно связанной с современным пониманием постгуманизма, как было показано выше. Попробуем показать это.

С точки зрения постгуманизма, социальный характер такой технологии, как Интернет, не является универсальным и однородным. Он определяется логикой лежащей в его основе технологии и зависит от социальных отношений и условий, которые возникают с целью поддержки определенных технологических разработок, и предполагает отрицание других возможностей. Его нельзя считать полностью искусственным и неестественным, так как он помогает игнорировать или отвергать многие естественные препятствия, которые иначе ограничивали бы процесс коммуникации между людьми, включая гендерное общение.

Из приведенных примеров следует, что технологии не могут развиваться и использоваться в вакууме, поэтому значительная доля социального эффекта отдельно взятой технологии приходится на способ ее применения отдельными людьми или группами в конкретных социальных ситуациях, что предполагает принятие во внимание целого ряда политических, экономических и социальных аспектов. Как отмечает А.П. Огурцов, “возникает новая форма пересечения областей исследования, новые формы единой стратегии научно-технического комплекса, где фундаментальное знание вырастает из прикладного, а прикладное знание дает мощный импульс и техническим разработкам, и новым способам теоретической мысли”²⁴. В настоящее время данная концепция становится одной из наиболее актуальных.

Научное знание начинает трактоваться как построение вероятных гипотез, проходящих точки бифуркации, в которых происходит выбор траектории дальнейшей эволюции знания. В таком обществе предметом исследования становятся сложные, динамические системы, которые включают в себя такие уровни, как, например, технический, управ-

²¹ Gergen K.J. The Social Constructionist Movement in Modern Psychology // American Psychologist, Number 40. New York, 1985. P. 266–275.

²² Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М., 1995. С. 94.

²³ Там же. С. 98.

²⁴ Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3-х частях. Часть вторая: Философия науки: Наука в социокультурной системе. СПб., 2011. С. 472.

ленческий, социальный, и другие. Любое познание превращается в социальный акт, так как в процессе коммуникации между представителями различных областей знания появляются нормы и стандарты, не связанные с отдельно взятым автором, а признанные всем сообществом, вовлеченным в данный процесс. Это приводит к тому, что подобные стандарты затем становятся характеристикой общественного стиля мышления, что влечет за собой трансформацию языка коммуникации, который начинает носить универсальный характер.

Однако подобные модели имеют и ряд недостатков. По мере их ускорения, увеличения мобильности и гибкости, уменьшения локальной привязанности, они приводят к появлению микрообществ и новых социальных институтов глобальных коммуникаций, которые обмениваются информацией в виде сообщений, обычно имеющей текстовую форму. В качестве фундаментальной единицы общества начинает выступать не индивид, а сообщение. Из совокупности сообщений в зависимости от их характера и содержания формируется жизнь индивида, микрообщества или социального института. Перестает быть важным, кто является носителем сообщения, на первый план выходит его содержание. То есть значимым становится не то, откуда послано сообщение и кто его автор, а его инновационное содержание и компетентность автора в предоставляемой информации. Но сообщение и его понимание не всегда могут быть соотношены друг с другом. На примере Интернета можно утверждать, что отправитель сообщения зачастую не осведомлен относительно его реципиента. Так и реципиент в свою очередь очень часто не может быть уверен, что сообщение отправлено именно ему, а также выделить, что именно в этом сообщении является информацией, сопровождаемой некоторой установкой или интенцией, то есть предметность обсуждения приобретает размытый характер.

Возникает некая конструкция, “виртуальная реальность”, в которой человек не может выйти за ее пределы, он живет в пределах системы, которая устанавливает воображаемые связи и замещает собой реальный. Данная проблема на сегодняшний день превращается в одну из наиболее актуальных.

Опираясь на данную концепцию, можно выделить следующие социокультурные перспективы развития транс-науки:

- появление нового образа жизни;
- возникновение в общественном сознании феномена “секуляризованной вечности” в связи со

значительным увеличением продолжительности жизни и размыванием границ реальности;

- кардинальное изменение смысла человеческой жизни в результате приобретения им статуса творца природного и социального мира.

Сегодня в мировой философской мысли получил широкое распространение проект натурализованной эпистемологии, включающий социальную и культурную точки зрения. Он описан в работах таких философов, как Н. Луман²⁵, Х. Корнблит²⁶, В.А. Лекторский²⁷. Она исследует соотношение между естественнонаучным и социально-научным аспектами познания как противоположными и взаимодополняющими.

Данные ученые полагают, что поскольку человек управляет своим телом из полученной сенсорной информации, то даже наименее опосредованные ощущения подвержены сложным формообразующим влияниям. Очевидно, что современные технологии позволяют физически реализовать эти положения, экстраполируя их на новый уровень. В подтверждение этого вывода можно привести цитату из статьи российских философов И.Ю. Алексеевой, В.И. Аршинова, В.В. Чекленцова, которые пишут: “Человек захочет овладеть процессами в собственном организме: дыханием, кровообращением, пищеварением, оплодотворением, подчинит их контролю. ...Человек поставит себе целью создать более высокий общественно-биологический тип”²⁸, который возможно трактовать как постчеловека.

Каким же будет постчеловек? Как было показано в данной статье, это вопрос, на который сегодня невозможно дать однозначный ответ. Некоторые ученые полагают, что приведенные в данной статье биологические трансформации природы человека могут привести к появлению монстра. Российский академик В.А. Лекторский, например, пишет, что появление постчеловека “разрушит полностью ту культуру с ее представлениями о человеческих

²⁵ Luhmann N. Erkenntnis als Konstruktion. Bern, 1988; Luhmann N. Soziale Systeme. Frankfurt am Main, 1984.

²⁶ Kornblith H. Naturalized Epistemology // A Companion to Epistemology / Edited by J. Dancy and E. Sosa. Oxford, 1992. P. 297-300.

²⁷ Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М., 2012.

²⁸ Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чекленцов В.В. “Технолюди” против “постлюдей”: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 18.

возможностях, о допустимом и недопустимом, о правах и обязанностях, которая и делает человека человеком”²⁹. Трудно согласиться полностью с данным выводом. В настоящее время международное сообщество уже начало искать новый подход к гуманизму, пока еще понимаемому традиционно, посредством выяснения трансформации социальных ценностей и смысла жизни человека, а также важности гендерных отношений в перспективе их развития и изучения новых культурных стереотипов. Несомненно, данная работа принесёт положительные результаты, которые помогут человечеству избежать экологическую катастрофу и сохранить гендерные отношения как основу продолжения жизни на Земле. Конечно, новые “постгуманистические” гендерные отношения претерпят значительные трансформации по сравнению с традиционными под влиянием новых технологических и социальных факторов, к которым относятся нанотехнологии и сетевое общество, рассмотренные в данной статье. Однако основная цель должна остаться неизменной: сохранение и продолжение человеческого рода на нашей планете.

На основании проведенного анализа можно заключить, что постгуманизм проявляется в трех аспектах:

- в практической деятельности;
- в технологических достижениях;

Список литературы:

1. Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чекленцов В.В. “Технолюди” против “постлюдей”: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12-21.
2. Беклемышев В.И., Балабанов В.И., Абрамян А.А. Основы прикладной нанотехнологии / Под ред. проф. В.И. Балабанова. М.: Магистр-Пресс, 2007. 208 с.
3. Беляев Д.А. Перспективные антропологические модели постчеловека: трансформация человеческой природы и сверхчеловеческая атрибутика // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции. Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / Под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. М.: “Канон+” РООИ “Реабилитация”, 2014. С. 43-52.
4. Бендас Т.В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
5. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн. 2: Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1977. 191 с.
6. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 319 с.
7. Гендерные проблемы в современной России (по данным официальной статистики). М.: “Алекс”, 2006. 224 с.
8. Горохов В.Г. Нанотехнологии. Эпистемологические проблемы теоретического исследования в современной науке // Эпистемология и философия науки. М., 2008. Т. XVI. № 2. С. 14-32.
9. Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М.: УРСС, 2003. 152 с.
10. Ицков Д.И. Общественное движение “Россия 2045” и глобальное будущее. // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции. Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / Под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. М.: “Канон+” РООИ “Реабилитация”, 2014. С. 8-14.
11. Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпакс, 1995. 350 с.

²⁹ Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М., 2012. С. 22.

12. Клецина И.С. Гендерная социализация. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 92 с.
13. Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М.: "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2012. 384 с.
14. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3-х частях. Часть вторая: Философия науки: Наука в социокультурной системе. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. 495 с.
15. Посадская А.И., Римашевская Н.М., Захарова Н.К. Как мы решаем женский вопрос // Коммунист. 1989. № 4. С. 56–65.
16. Рябов О.В. Русская философия женственности (XI-XX века). Иваново: Юнона, Ивановский государственный университет, 1999. 359 с.
17. Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.
18. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 2. М.: Правда, 1990. 447 с.
19. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, ЛЮКС, 2004. 349 с.
20. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.
21. Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 480 с.
22. Gergen K.J. The Social Constructionist Movement in Modern Psychology // American Psychologist, Number 40. New York, 1985. P. 266–275.
23. Kornblith H. Naturalized Epistemology // A Companion to Epistemology / Edited by J. Dancy and E. Sosa. Oxford: Blackwell, 1992. P. 297–300.
24. Luhmann N. Erkenntnis als Konstruktion. Bern: Benteli, 1988. 74 s.
25. Luhmann N. Soziale Systeme. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. 674 s.
26. Women in Russia: A new era in Russian feminism / Ed. by A. Posadskaya and oth. London; N.Y.: Verso, 1994. 216 p.

References (transliteration):

1. Alekseeva I.Yu., Arshinov V.I., Chekrentsov V.V. "Tekhnolyudi" protiv "postlyudei": NBIKS-revolyutsiya i budushchee cheloveka // Voprosy filosofii. 2013. № 3. S. 12–21.
2. Beklemyshev V.I., Balabanov V.I., Abramyan A.A. Osnovy prikladnoi nanotekhnologii / Pod red. prof. V.I. Balabanova. M.: Magistr-Press, 2007. 208 s.
3. Belyaev D.A. Perspektivnye antropologicheskie modeli postcheloveka: transformatsiya chelovecheskoi prirody i sverkhchelovecheskaya atributika // Global'noe budushchee 2045: Antropologicheskii krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty: Materialy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii. Belgorod, 11-12 aprelya 2013 g. / Pod red. D.I. Dubrovskogo, S.M. Klimovoi. M.: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", 2014. S. 43–52.
4. Bendas T.V. Gendernaya psikhologiya. SPb.: Piter, 2006. 431 s.
5. Vernadskii V.I. Razmyshleniya naturalista. Kn. 2: Nauchnaya mysl' kak planetarnoe yavlenie. M.: Nauka, 1977. 191 s.
6. Voronina O.A. Feminizm i gendernoe ravenstvo. M.: Editorial URSS, 2004. 319 s.
7. Gendernye problemy v sovremennoi Rossii (po dannym ofitsial'noi statistiki). M.: "Aleks", 2006. 224 s.
8. Gorokhov V.G. Nanotekhnologii. Epistemologicheskie problemy teoreticheskogo issledovaniya v sovremennoi tekhnouke // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2008. T. XVI. № 2. S. 14–32.
9. Zdravomyslova O.M. Sem'ya i obshchestvo: gendernoe izmerenie rossiiskoi transformatsii. M.: URSS, 2003. 152 s.
10. Itskov D.I. Obshchestvennoe dvizhenie "Rossiya 2045" i global'noe budushchee. // Global'noe budushchee 2045: Antropologicheskii krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty: Materialy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii. Belgorod, 11-12 aprelya 2013 g. / Pod red. D.I. Dubrovskogo, S.M. Klimovoi. M.: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", 2014. S. 8–14.
11. Karpinskaya R.S., Liseev I.K., Ogurtsov A.P. Filosofiya prirody: koevolutsionnaya strategiya. M.: Interpaks, 1995. 350 s.
12. Kletsina I.S. Gendernaya sotsializatsiya. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 1998. 92 s.
13. Lektorskiy V.A. Filosofiya, poznanie, kul'tura. M.: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", 2012. 384 s.
14. Ogurtsov A.P. Filosofiya nauki: dvadtsaty vek: Kontseptsii i problemy: V 3-h chastyakh. Chast' vtoraya: Filosofiya nauki: Nauka v sotsiokul'turnoi sisteme. SPb.: Izd. dom «Mir'», 2011. 495 s.
15. Posadskaya A.I., Rimashevskaya N.M., Zakharova N.K. Kak my reshaem zhenskii vopros // Kommunist. 1989. № 4. S. 56–65.
16. Ryabov O.V. Russkaya filosofiya zhenstvennosti (XI-XX veka). Ivanovo: Yunona, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 1999. 359 s.
17. Fedorov N.F. Sochineniya. M.: Mysl', 1982. 711 s.
18. Florenskii P.A. U vodorazdelov mysli. T. 2. M.: Pravda, 1990. 447 s.
19. Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoi revolutsii. M.: AST, LYUKS, 2004. 349 s.
20. Khabermas Yu. Budushchee chelovecheskoi prirody. M.: Ves' Mir, 2002. 144 s.
21. Tsiolkovskii K.E. Kosmicheskaya filosofiya. M.: Editorial URSS, 2001. 480 s.
22. Gergen K.J. The Social Constructionist Movement in Modern Psychology // American Psychologist, Number 40. New York, 1985. P. 266–275.
23. Kornblith H. Naturalized Epistemology // A Companion to Epistemology / Edited by J. Dancy and E. Sosa. Oxford: Blackwell, 1992. P. 297–300.
24. Luhmann N. Erkenntnis als Konstruktion. Bern: Benteli, 1988. 74 s.
25. Luhmann N. Soziale Systeme. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. 674 s.
26. Women in Russia: A new era in Russian feminism / Ed. by A. Posadskaya and oth. London; N.Y.: Verso, 1994. 216 p.